

О. А. Королева
Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова

ЭТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ АВТОРА И ФОРМЫ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

«Автор (от лат. *autor* – виновник, основатель, учредитель, сочинитель, покровитель) – одно из наиболее универсальных ключевых понятий в современной литературе» (10 : 68), которое выступает в нескольких значениях: автор как лицо, имеющее свою биографию; автор – творец, создатель словесно-художественного текста, «эстетически деятельный субъект» (М. М. Бахтин); и автор, присутствующий в тексте.

К проблеме понимания роли автора в произведении обращались многие исследователи. В 30-е годы прошлого века появилась работа С. Н. Трубецкого «О методах изучения Достоевского». В этой статье он коснулся проблемы автора-творца. Он считал, что творец замкнут в своем творении и литературовед познает его лишь как создателя. Оппонентом этого утверждения двумя десятилетиями позже выступил Р. Плетнев в работе «Ответ на статью кн. С. Н. Трубецкого». В этой работе Р. Плетнев утверждал, что автор, прежде всего, является создателем своего собственного стиля, выразителем своего мировоззрения и восприятия, правда, как отмечал Плетнев, оторванного от социальных конфликтов и классовой борьбы. В 20-х годах в работе «Проблема авторства и теория стилей» В. В. Виноградов коснулся этой полемики, в которой, по его мнению, нет и «малейшего намека на необходимость найти место изучаемого автора и его стиля в общем ходе развития литературы, ее форм, ее жанров» (3 : 34). Позиция В. В. Виноградова сводилась к тому, что проблема автора выступает в несколько специфическом плане, а именно в плане развития «индивидуальных стилистических форм выражения автора в его произведениях» (3 : 36).

В «Эстетике словесного творчества» М. М. Бахтин выделяет «автора» и «героя» – связанных между собой участников «эстетического события». «Автор-творец» может помочь разобраться в «авторе-человеке». Автор все видит и знает то, что видит и знает каждый герой, и «в этом всегда определенном и устойчивом избытке видения и знания автора по отношению к каждому герою и находятся все моменты завершения целого – как героев, так и совместного события их жизни, то есть целого произведения» (1 : 16).

К образу автора в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» обращались многие исследователи. Так, в книге «Гоголь» (1924) В. Гиппиус пишет, что в поэме автор «говорит о себе в первом лице, дает волю разным оттенкам чувств от иронии до озлобления и ведет непринужденный разговор с читателями...» (4 : 112). В 1961 году появилась монография В. Зеньковского «Гоголь», создатель которой считает, что автор-повествователь и есть Гоголь. «Гоголь как бы невзначай раскрывает свою душу читателю...» (8 : 224). В труде «Реализм Гоголя» (1949) Г. А. Гуковский (глава «Мертвые души») пишет, что автор «не отвлеченный пиит

с лирой или скрижалю, что он не вдохновенный и пылкий романтический мечтатель..., а простой человек, как будто совсем обыкновенный, просто делающий свое писательское дело, стоящий на одной доске со своим читателем...»(6 : 508). И. П. Золотусский, автор биографии Гоголя, считает, что в лирических отступлениях является в поэме сам Гоголь. Именно Гоголь, по образному выражению И. П. Золотусского, разжигает в нем (в Чичикове) «угасший дух» (9 : 229).

В работе Е. А. Смирновой «Поэма Гоголя “Мертвые души”» (1987) автор акцентирует внимание на том, что голос повествователя имеет множество модификаций, звучит то иронически, то торжественно. Е. Е. Смирнова считает, что в поэме надо говорить не просто о каких-то разных интонациях автора, надо говорить о «разных голосах конкретных авторов». Все эти «солирующие» голоса вливаются в тот общенациональный хор, из звучания которого и вырастает поэма» (11 : 78).

В работе «Гоголь и проблемы западно-европейского романа» (1972) А. А. Елистратова склонна рассматривать личность автора в поэме как «иронического наблюдателя, летописца и комментатора всего происходящего» (7 : 41). Ю. В. Манн в книге «В поисках живой души» (1987) пишет об авторской интонации, которая охватывает своим потоком все многообразные подробности и детали, создавая эпическое движение в поэме. Именно в «Мертвых душах» впервые в русской литературе, как пишет Манн, события сюжетно не связаны с авторской судьбой (если сравнить с «Евгением Онегиным», где автор был знаком или встречался со своими героями). Автор в определенные моменты может поступить так, как ему подсказывает внутренний голос.

Как видим, в отечественном литературоведении существуют разные точки зрения на проблему понимания роли автора в поэме Гоголя. У Г. А. Гуковского, на наш взгляд, образ автора представлен в диалектическом единстве: с одной стороны, образ автора несколько ограничен как личность, а с другой – подобрал лучшие национальные черты. У автора в поэме есть этическая позиция, которую можно обозначить, как «смех сквозь слезы», она неоднозначна. Поэма пронизана авторским началом, но оно двойственно. С одной стороны, герои поэмы – люди, у которых есть душа, но то, какими они предстают в поэме, заставляет читателя содрогнуться. Представляя разнообразные характеры героев поэмы, автор не только смеется над ними, осуждает, он оставляет надежду на обновление их душ. Позиция автора – это позиция искреннего патриота, чувства которого с глубочайшей проникновенностью звучат в обращении к Руси: «Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу и вьются около моего сердца? Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами?» (5 : 207).

Формы проявления авторской позиции самые разнообразные: гипербола, ирония, гротеск. В образе Манилова, например, дана преувеличенная мягкость, слащавость: «– И знаете, Павел Иванович! – сказал Манилов, явя в лице своем выражение не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстуре, которую ловкий доктор засластил немилосердно, воображая ею обрадовать пациента»(5 : 27) . Хвастовство же Ноздрева поистине поражает своим размахом: то он покупает неказистого гнедого жеребца за десять тысяч, то ловит голыми руками русаков.

Патетика лирических отступлений очень часто уравнивается иронией. Вспомним историю сапожника Максима Телятникова. Выучившись у немца, «давши барину порядочный оброк», он открыл собственное дело. Но, погнавшись за скорой выгодой, потерял все. С горькой иронией автор подводит итог: лавка опустела, «ты стал попивать», вина во всем немцев.

Сам Гоголь придавал огромное значение лирическим отступлениям в «Мертвых душах». В 1842 году, после выхода «Мертвых душ, в письме к С. Т. Аксакову он пишет: «Не пугайтесь вашего первого впечатления, что восторженность во многих местах казалась вам доходящей до смешного излишества. Это правда – потому что полное значение лирических намеков может изъясниться только тогда, когда выйдет последняя часть» (7 : 11).

Образ автора и авторская позиция особенно проявляются в лирических отступлениях. Поскольку автор присутствует в тексте, то мы можем говорить об авторе и авторской позиции и формах ее проявления.

С автором читатель знакомится с первых страниц поэмы. В первых двух главах вырисовывается образ автора. «...Автор любит чрезвычайно быть обстоятельным во всем и с этой стороны, несмотря на то что сам русский, поэт, хочет быть аккуратен, как немец»(5 : 17); признается в своих гастрономических пристрастиях (завидует «аппетиту и желудку господ средней руки»). Он немолод: «Неприлично автору, будучи давно уже мужем, воспитанному суровой внутренней жизнью и свежительной трезвостью уединения, забываться подобно юноше»(5 : 23). Себя он называет автором и с читателем на протяжении всей поэмы ведет непринужденную беседу. Во второй главе автор признается, что он презирает сословные предрассудки: «Таков уже русский человек: страсть сильная зазнаться с тем, который хотя одним чином был повыше, и шапочное знакомство с графом или князем для него лучше всяких тесных дружеских отношений» (5 :18). Далее иронично добавляет, что «даже опасается за своего героя, который только коллежский советник». А вот обращение автора к читателю во второй главе: «Но об этом читатель узнает постепенно и в свое время, если только будет иметь терпение прочесть предлагаемую повесть...» (5 :17). Таким образом, автор вполне реальное лицо поэмы, у которого свои привычки, пристрастия.

У автора в поэме есть своя позиция: он обличает, высмеивает, участвует в обсуждении проблем, поставленных в поэме. По М. М. Бахтину, «автор занимает ответственную позицию в событии бытия, имеет дело с моментами этого события, а потому и произведение его есть тоже момент события» (1 : 175). Путешествуя со своим героем, он видит Русь, вызывающую восторг, и Русь, в которой все пошло, уныло. Прибыв в губернский город, автор выстраивает целостную картину бытия, в которой представлены самые различные сферы губернской жизни и ее обитатели.

Автор знакомит читателя с губернским городом, который представляет собой зрелище скучное и уродливое: серые затерянные дома, смытые вывески, на которых были изображены игроки «с вывороченными назад руками и косыми ногами», деревья не выше тростника. Губернаторский бал, куда автор отправляется с Чичиковым, представляет еще более странное зрелище. Представляя гостей на губернаторском бале, автор сравнивает их с мухами, носящимися «на белом

сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета». К сравнению людей с мухами автор вернется в третьей главе, но ясно одно: автор говорит о бездельниках, прожигающих жизнь. Е. А. Смирнова находит более точное слово, которым определяет образ существования гоголевских людей-мух. «Это слово – суета»(11 : 64). Вот они, моменты события, которые автор представляет читателю с изрядной долей сатиры.

Помещики, к которым поочередно заезжает Чичиков, – обезображенные души. Представляя помещиков, автор показывает, что и в них еще теплится душа. Первый помещик, у которого Чичиков покупает «мертвые» души, – Манилов. Человек он «так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан ни в селе Селифан». Пустой, никчемный человек, но к крестьянам относится сносно, отпускает «подать заработать». Наконец, Манилов один из всех помещиков, кто не продает, а передает «мертвые» души Чичикову, взяв купчую на себя. Коробочка крепколовая, дубинноголовая, – такими эпитетами награждает ее Чичиков. Но тот же Чичиков замечает, что в деревне у Коробочки крестьянские избы «показывали довольство обитателей, ибо были поддерживаемы как следует». «Исторический» человек Ноздрев имеет страстишку нагадить ближнему. В душе Ноздрева автор пытается найти то, что оправдает его. В его хозяйстве, пусть не таком прочном, как у Коробочки или Собакевича, все подчинено выгоде (неважно, какой ценой она достанется): он – хозяин. Собакевич – человек-кулак, грубый, неотесанный, похожий на медведя. У него мужики не мрут, крестьянские избы, казалось, определены на «вековое стояние». Плюшкин... Найти человеческие качества в нем, кажется, совершенно невозможно. Но и он был когда-то бережливым хозяином, был женат, и у него была семья. «Уродливы» помещики – уродливы и их души. Но автор не лишает помещиков хотя бы незначительной симпатии. Это дает надежду, пусть и небольшую, на чудесное преобразование их душ.

Пафос лирических отступлений, где звучит авторский голос, воспринимается как живительное начало. В поэме автор наблюдает события со стороны, и в этой «внезаходимости событию жизни», как отмечает М. М. Бахтин, и проявляется причастность событию бытия. А найти существенный подход «к жизни извне – вот задача художника» (1 : 175). Действительность предстает в поэме в самых низменных проявлениях. Во второй главе автор говорит о «задорах»: у одного задор на борзых собак, у другого – пообедать, а, впрочем, конечная цель любого задора – благополучие. В молодости у Чичикова тоже был свой «задор» – желание стать помещиком, ради которого он терпел нужду и унижения. Конечная цель чичиковского задора – обогащение. «Задор» сделал из Чичикова приобретателя.

Автор с горькой иронией замечает, насколько «велик» русский человек в умении обращаться! Тут он «мудрец»! Представляя правителя канцелярии «в тридевятом царстве» среди своих подчиненных, автор называет его Прометеем. Но недолго ему быть Прометеем: оказавшись перед дверью начальника, он превратился в куропатку, а потом и вовсе «с Прометеем сделается такое превращение, какого и Овидий не выдумает: муха, меньше даже мухи, уничтожился в песчинку»(5 : 46). Автор вновь прибегает к образному сравнению людей с мухами (вспомним первую главу). Вот она, пошлость, которая тянет человеческую душу вниз.

Мотив оскудения души звучит в шестой главе. Мир Плюшкина, представленный автором читателю, полон пошлости, отвращения. Описание деревни Плюшкина вызывает чувство безысходности и безнадежности. Ветхие дома, окна без стекол, «каким-то дряхлым инвалидом глядел сей странный замок». Когда Чичиков вступил на порог широких сеней, на него «подуло холодом, как из погреба». В углу комнаты была навалена куча того, «что недостойно лежать на столе». Автор признает, что в этой комнате не могло обитать «живое существо» (не человек, а существо!). Можно сказать словами автора: «Здесь погребен человек».

Плюшкин – один из немногих помещиков, у кого есть прошлое. Оказываясь, было время, «когда он был бережливым хозяином! Был женат и семьянин, и сосед заезжал к нему пообедать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости». Но после смерти жены «одинокая жизнь дала сытую пищу скупости». В Плюшкине не осталось ничего человеческого, и «сам он обратился наконец в какую-то прореху на человечестве». Автор с горечью вопрошает: «И похоже это на правду? Все похоже на правду, все может стать с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымите потом!» (5 : 119) Автор переживает судьбу «мертвой» души Плюшкина, а переживание, по М. М. Бахтину, – «это след смысла в бытии» (3 : 108). Такой человек, как Плюшкин, по словам автора, «редко попадает на Руси». А рядом с миром скупости, которая поглотила Плюшкина, автор показывает помещика, прожигающего жизнь. На Руси любят «развернуться, нежели съежиться». Можно было бы удивиться тому, как полгубернии весело гуляет, и только чуткий, внимательный человек заметит «дикое и грозящее в сем насильственном освещении», увидит непробудный мрак, как «негодуют суровые вершины дерев на сей мишурный блеск, осветивший снизу их корни». Автор обличает, видя беспорядок жизни, несправедливость, пошлость человеческой души.

После комического торга Коробочки и Чичикова, после пошлости мира ее обитательницы, вновь слышишь голос автора, наполненный грустью. Автор задает вопросы: зачем заниматься Коробочкой, так ли далеко она ушла от сестры ее, «недосягаемо огражденной стенами аристократического дома», зевающей за недочитанной книгой и желающей высказать «вытверженные мысли»? Нет, Коробочка ничуть не хуже. Все та же пошлость, в которой погрязли люди, то же зло. «Коробочка ли, Манилов ли, хозяйственная ли жизнь, или нехозяйственная – мимо их!» Заканчивается глубокое размышление автора тем же вопросом: «Зачем же среди веселых, беспечных минут пронесется иная чудная струя?» Становится ясно, что «веселое мигом обратится в печальное, если только долго застоишься перед ним», а смех, который украшал еще минуту назад лица, сбежал, «и уже другим светом осветилось лицо» (5 : 54).

Можно заметить легкость и подвижность точки зрения автора, которая позволяет ему переходить от одного предмета к другому, от одной темы к другой. Все это раздвигает горизонт полета мысли автора.

Неподдельный восторг вызывает в душе автора русский народ, с которым он идейно слит. С какой любовью он восхищается его живым и бойким умом, «что

не лезет за словом в карман»! Рассуждая о народах, автор приходит к мысли, что каждый народ – творящая душа, слово которого отражает его сущность. Недолговечно слово француза; мудростью отзовется слово британца; «умно-худощавое слово», придуманное немцем; «но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово». В «Авторской исповеди» Гоголь даст другой ответ: «Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их».

Как подтверждение этой мысли Гоголя о поступках русского человека звучит лирическое отступление десятой главы. Почему же во всех добрых начинаниях присутствует «препорядочная путаница», а «удаются те совещания, которые составляются для того, чтобы покутить и пообедать»? Почему, собрав деньги для бедных, большую часть тратят на обед для первых сановников города, на остальные нанимается квартира для комитета, ну а бедным остается «пять рублей с полтиной». В 1846 году в записной книжке Гоголь записал: «Грусть оттого, что в добре не видишь добра».

Все, что происходит в жизни страны, вызывает в душе автора «незримые слезы», горькое разочарование. Но он неразрывно связан с судьбой родины и народа, он переживает, и он, безусловно, часть этого народа.

В лирическом отступлении седьмой главы мы видим автора, размышляющего о творчестве. Он говорит о двух возможных путях писателя. Путь одного писателя заключается в том, что, «сокрыв печальное в жизни, показав им прекрасного человека», он изображает характеры, являющие высокое достоинство. Ему все рукоплещут, он парит над землей. Совсем другой путь и судьба писателя, который верен жизненной правде, дерзнув вызвать наружу «всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь...». Писатель, вставший на этот путь, обречен на одиночество и непонимание: «...Много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую из презренной жизни, и возвести ее в перл создания...» (5 : 125). Поношение, непризнание и одиночество «посреди дороги». Эмоциональный тон лирического отступления поднимается до уровня исповедального откровения. Награды и славы на этом пути обрести невозможно, и сам автор это понимает: «И далеко еще то время, когда иным ключом грозная вьюга вдохновения подымется из облеченной в святой ужас и в блистанье главы и почуют в смущенном трепете величавый гром других речей...» (5 : 125). Это лирическое отступление, начавшееся с изображения просторов Руси, с ее «холодами, слякотью, грязью», длинной и скучной дорогой и «дорожными подлецами», заканчивается опять же картиной русской дороги.

Как итог предыдущих рассуждений и раздумий автора, возникает образ Руси. Русь, представленная из «прекрасного далека», неприютна и бедна, «неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора» (5 : 207). Но автора влечет не красота, а какая-то непостижимая тайна. В риторическом вопросе автора «Русь! чего же ты хочешь от меня?» чувствуется неразрывная связь его с отечеством. А конец одиннадцатой главы заканчивается вопросом: «Русь, куда же несешься ты? Дай ответ! Не дает ответа...» (5 : 207)

Пока мысль немеет перед необъятными пространствами, грядущее для автора определено: «Здесь ли не быть богатырю...»

На протяжении всей поэмы автор обличает, указывает на несправедливости, уподобляется «проповеднику» (11 : 78).

Рассуждая о несообразностях того, как запутали себя сами чиновники, автор приводит примеры заблуждений человека из всемирной истории. И опять парадокс. Вот он прямой путь к истине, но человечество избирает другое. «Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящиеся далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги» (5 : 197), попадая при этом в «непроходимые захолустья». Где же «выход и дорога»? Что же «текущее поколение», воспримет ли, осмыслит этот урок? Гордое и самонадеянное поколение «начинает ряд новых заблуждений». Гоголь использует эпизод пира Валтасара – реминисценции библейской книги пророка Даниила, автор восклицает: «небесным огнем исчерчена сия летопись, ...кричит в ней каждая буква», но это не убеждает современное поколение (5 : 198).

Лирическими отступлениями, авторскими обращениями изобилует поэма. В ней звучит и смех автора. Иногда автор надевает маску, и тогда начинается игра. В конце первой главы рассказывается о том, какими добродетелями обладал Чичиков, как он мог ловко все «облекать какою-то степенностью». Говорил он ни громко, ни тихо, а «совершенно так, как следует». «Словом, куда ни повороти, был очень порядочный человек» (5 : 16) Это говорит автор?! Последующие фразы разрешают все сомнения. Чиновники, губернатор и даже Собакевич, который редко отзывался о ком-то хорошо, отметили, что Чичиков – дельный человек. Такого автор сказать не мог. Он просто надел маску губернского пошляка и зло смеется. В восьмой главе в голосе мнимого автора появляются другие интонации: подбосстранные, вкрадчивые с придыханием. Перед читателем уже другая маска. «Дамы города N были... Нет, никаким образом не могу: чувствуется точно робость. В дамах города N больше всего замечательно было то... Даже странно, совсем не подымается перо, точно будто свинец какой-нибудь сидит в нем» (5 : 147). Есть в поэме эпизод, где голос Чичикова и автора сливаются. Это лирическое отступление седьмой главы, когда Чичиков размышляет о четырехстах купленных им душах.

Но чаще всего автор просто смеется над пороками, пошлостью, над негативными явлениями современной жизни. Описание присутственных мест – еще одна страница гоголевской сатиры. Ослепительно белый каменный дом, по словам автора, был, «вероятно, для изображения чистоты душ помещавшихся в нем должностей». В храме правосудия сидят отнюдь не чистые души, сидят мздоимцы, а Фемида – богиня правосудия – «в neglige и халате» принимает гостей. Абсурдность губернской жизни налицо.

В последней главе дана биография Чичикова, мошенника и авантюриста, человека вполне благопристойного, «благонамеренного», умеющего «пустить слезу». За всеми его добродетелями проступает пошлость, разрушающая душу. Главное для Чичикова – приобретение. Это стало его страстью, смыслом жизни, заменило религию. Автор предостерегает, что страсти, «которых избранье не от

человека» (но от кого? – от беса?), эти страсти живут в человеке. Но даже для такого дельца, как Чичиков, автор находит оправдание.

На протяжении всей поэмы вырисовывается и образ автора-повествователя, который выстраивает целостную картину мира. У автора, присутствующего в тексте, есть индивидуальность, характерные черты, интонация. По определению М. М. Бахтина, «индивидуальностью автор становится лишь там, где мы относим к нему оформленный и созданный им индивидуальный мир героев или где он частично объективирован как рассказчик» (1 : 190). С первой и до последней главы автор присутствует рядом с читателем, он – активный творец. Так какую же позицию должен занимать автор в тексте? «Автор должен находиться на границе создаваемого им мира как активный творец его, ибо вторжение его в этот мир разрушает его эстетическую устойчивость. Позицию автора по отношению к изображенному миру мы всегда можем определить по тому, как изображена наружность, дает ли он цельный трансгредивный образ ее, насколько живы, существенны и упорны границы, насколько тесно герой вплетается в окружающий мир, насколько полно, искренне и эмоционально напряженно разрешение и завершение, насколько живы души героев (1 : 176).

В. Зеньковский писал: «Истоки морального сознания Гоголя – христианские: от христианства идут его мысли о неправде всякого эгоизма, тем более несправедливости» (8 : 260). Герои поэмы – люди, погрязшие в грехе, а всякий грех – это отклонение от моральных принципов, их нарушение – нарушение правды Божьей. Но автор верит в человека даже тогда, когда, казалось бы, нет и надежды увидеть в душе искру Божью. В письме от 1843 года (июль) Гоголь писал: «Внутри всех нас есть источник света – хоть мы редко стремимся к тому, чтобы найти его». Автор поэмы не только ищет, он видит этот свет, он верит в возможность духовного обновления. Таким образом, этическая позиция автора в поэме «Мертвые души» православная.

Манилов, Коробочка, Собакевич, Ноздрев, Плюшкин – галерея пошлых помещиков. В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголь пишет о Плюшкине: «... Именно он, познавший весь мрак и холод остывшей души, потому-то именно и будет знать цену теплу и свету, а милость Божия может быть явлена на каждом человеке в любую минуту – и, как это не раз бывало в истории, даже в жизни святых, самый падший станет вдруг «первым ратником добра»». В поэме автор приходит к мысли, что даже страсть Чичикова собирать копейку будет ему во спасение души: «И, может быть, в сем же самом Чичикове страсть, его влекущая, уже не от него, и в холодном его существовании заключено то, что потом повергнет в прах и на колени перед мудростью небес». Вспомним библейское послание к римлянам святого апостола Павла: «Как и вы некогда были непослушны Богу, так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы. Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать (2 : 30-32).

Автор оставляет надежду на воскресение падшего человека.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
2. Библия. М., 1993.

3. *Виноградов В. В.* Проблемы авторства и теория стилей. М., 1961.
4. *Гиппиус В.* Гоголь. СПб., 1994.
5. *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: в 7 т. М., 1984–1986. Т. 5.
6. *Луковский Г. А.* Реализм Гоголя. М.-Л., 1959.
7. *Елистратова А. А.* Гоголь и проблемы западноевропейского романа. М., 1972.
8. *Зеньковский В. Н.* Гоголь. СПб., 1994.
9. *Золотусский И. П.* Гоголь. М., 2005.
10. *Прозоров В. В.* Введение в литературоведение. М., 2004.
11. *Смирнова Е. А.* Поэма Гоголя «Мертвые души». Л., 1987.

Е. Ф. Григорьева
Мееринская средняя школа
Вологодской области

«СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА» С. Т. АКСАКОВА КАК ОПЫТ ДУХОВНОЙ АВТОБИОГРАФИИ: МОЛИТВА И УМОЛЧАНИЕ (НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Можно указать причины для возражений против того, чтобы рассматривать «Семейную хронику» как опыт духовной автобиографии, однако обратим внимание и на доказательства в пользу подобного рассмотрения, попытаемся ответить на вопрос: почему «Семейная хроника» актуальна сегодня как опыт духовной автобиографии?

Бережение веры не как музейной реликвии или объекта научного изучения актуально в наше время. Бережение веры как принципа жизненного поведения, требующего это самое поведение – домашнее или деловое, повседневное... любое – умерять в соответствии с христианским внутренним анализом, в соответствии с вечными заповедями: «Что ты видишь в глазу брата своего сучок, а в своем бревна не видишь?», или: «Как хочешь, чтобы к тебе относились люди, так и ты к ним относишься».

Эти слова об умеряемой христианским анализом натуре, принадлежащие С. Т. Аксакову, сказаны о Гоголе, но в полной мере относятся и к нему самому. А адресованы они – потомству, т. е. всем последующим поколениям. С этих слов мы приступаем к выявлению доказательств, которые помогают увидеть «Семейную хронику», во-первых, как опыт духовной автобиографии, а во-вторых, как *речевое высказывание* писателя, связующее *множество* речевых высказываний Аксакова в единое целое и не позволяющее дробить наследие писателя на главные и основные или неглавные и второстепенные произведения.

В пределах данной работы не могут быть подробно рассмотрены эти доказательства в их взаимосвязанности – каждое может стать предметом самостоятельного исследования; задача же данной работы – показать, как даже при малейшем внимании к этим доказательствам «Семейная хроника» начинает проявляться как опыт духовной автобиографии, приоткрывая самый сокрытый, самый потаенный